

циальном и др. Уже прошли и планируются к реализации научные конференции. Так значимая конференция по проблемам информационной безопасности прошла в начале июня в г. Саратове. Надеемся познакомиться Вас с некоторыми ее результатами в следующих выпусках журнала.

В-третьих, ученые продолжают размышлять о государственном строительстве в России. В сфере их внимания находятся проблемы взаимодействия федерального центра и регионов, реорганизации федеративного устройства, совершенствования системы управления. Особый интерес вызывает институт государственных служащих. От того, удастся ли преодолеть очередной рывани бюрократии и постепенное усиление ее влияния на общество, зависит будущее социальных преобразований в России.

В-четвертых, в связи с продолжающимся чеченским кризисом обостряются проблемы армии и положения военнослужащих. Чеченские боевики, поддерживаемые террористическими организациями, убивают российских солдат и удерживают в напряжении мирное население. Кажется, что никогда не будет конца этой войне. Целое поколение чеченских детей выросло в условиях непрекращающихся боевых действий. На примере взрослых они учатся скорее насилию, чем учебным предметам.

В то же время недавний праздник Победы только усилил патристические настроения населения и еще раз напомнил нам о том, как важно заботиться об обороноспособности страны и состоянии ее вооруженных сил.

В-пятых, ученых беспокоит состояние здоровья населения, зависящее не только от состояния окружающей среды, но от поставок с Запада некачественной пищи и лекарств, радиационных отходов, средств, порождающих наркотическую зависимость, фильмов, пронизанных страхом и насилием. Но дело не только в «тлетворном» западном влиянии, но и в отсутствии прочного «защитного» слоя, способного противостоять разрушительному действию внешних и внутренних факторов кризиса, называемого сегодня не иначе, как системным.

Полагаю, что эти и другие проблемы требуют своего решения наиболее адекватными средствами науки и управления.

Читайте и выписывайте наш журнал.

Юрий Резник

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ

Дж. Тернер об американской теоретической социологии

Джонатан Тернер (1942) — профессор Калифорнийского университета, один из ведущих американских специалистов по теоретической социологии. Представляемая вниманию читателя статья «Прошлое, настоящее и будущее теории в американской социологии» (G.H. Turner «The Past, Present and Future of Theory in American Sociology») взята нами из книги «Границы социальной теории», посвященной проблемам и итогам развития теоретической социологии в Америке в 90-е годы (См.: «Frontiers of Social Theory. The New Syntheses» Ed. by George Ritzer, Columbia University Press, 1990).

Дж. Тернер ставит и обсуждает в своей статье такие вопросы, как критерии социологической теории, ее статус в различные исторические периоды развития науки, возможность взаимопонимания между учеными-теоретиками, попытки создания единой метатеории и построение новых синтезирующих подходов.

Дж. Тернер прослеживает путь развития теории — от наследия классиков социологии к современным синтезирующим теориям и взаимосближению парадигм; от О. Конта, Г. Спенсера и Дж. Мида до Дж. Колемана, Д. Ритцера и других. В качестве штриха, хочется отметить, например, авторское видение роли Питирима Сорокина, который в период господства эмпиризма в американской социологии и практически полного отсутствия интереса к теоретическим разработкам «не давал угаснуть макротеории». Тернер упоминает и о том, что школа Т. Парсонса во многом была создана на сорокинской теоретической базе, благодаря огромным финансовым вливаниям частных фондов, что Парсонс получил возможность «вербовать» студентов и коллег, опираясь не только на знания и талант, но и на привилегированное финансовое положение.

Главный, волнующий автора вопрос — это возможность создания метасоциологии, построения интегративной парадигмы, синтеза со-

циального знания. Реализацию этих идей он видит в работах современных позитивистски ориентированных социологов, таких, как Р. Коллинз, Р. Тернер, Г. Уайт, Д. Бергер, П. Блау, А. Берт, Д. Уиллер, К. Кук, сам автор и ряд других ученых.

Привлекает критериальная строгость автора, справедливо утверждающего, что многое из выдаваемого сегодня за теорию — не имеет никакого или очень отдаленное отношение к науке. Своеобразна итоговая оценка Дж. Тернера, убежденного в том, что будущее — за теми теоретиками, которые, подобно «отцам-основателям», О. Конту и Г. Спенсеру, верят в максимальное сближение социологии с естественными науками, в создание так называемой «социальной физики», в существование фундаментальных, инвариантных особенностей социального мира, которые социология способна постигать, разрабатывая эмпирически проверяемые законы и модели развития.

И. Б. Орлова

ДЖОНАТАН ТЕРНЕР

ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ ТЕОРИИ В АМЕРИКАНСКОЙ СОЦИОЛОГИИ

Каково современное состояние и перспективы развития социологической теории в Америке? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо выбрать критерий, который позволил бы оценить ее современные достижения и определить будущие перспективы. Мой критерий — это научная социология и вышедшая теперь из моды установка на то, что социология может разрабатывать всеобщие абстрактные законы и оценивать эти законы путем систематической эмпирической проверки. Выбрав именно такой специфический критерий, я сразу же попадаю в категорию «несоответствующих» многим течениям в теоретической социологии как сегодняшним, так, к сожалению, и будущим.

Нам необходим не только критерий оценки социологической теории, но и картина ее развития во времени. Для того, чтобы оценить современное ее состояние и будущие перспективы, я полагаю важным понятие, с чего началась теория в Америке и чего она достигла за девять

десятилетий нынешнего столетия. Мы увидим, что по существу социологическая теория в значительной степени утратила свою первоначальную веру в научную социологию.

Теория на ранней стадии ее развития (1890–1920 гг.)

Бесспорно, что все первые американские социологи были приверженцами Огюста Конта. Среди них существовало очевидное единодушие относительно того, что наука об обществе, если заимствовать выражение А. Рэдклиф-Брауна (1948), возможна и желательна. Более того, они полагали, что раскрытие законов организации человеческого общества могло бы быть использовано для постепенного его совершенствования. До некоторой степени, как и у Конта, эта позиция представляла собой стремление узаконить социологию во враждебном ей интеллектуальном окружении. Но значительно больше в ней было далеко идущего смысла, так как, несмотря на различия, социологи действительно были убеждены, что социология может соперничать с естественными науками, и поэтому в ранний период развития социологической теории, между 1890 г. и первой мировой войной, происходил процесс активной интеграции плодов интеллектуальной деятельности в этой области.

Основой такой интеграции послужила разработка общих законов об основных процессах социального развития. Как отмечает в своей работе Роско Хинкль: «Именно статус общей теории сможет, как мы полагаем, придать академическую респектабельность этой дисциплине и помешать «вырождению» данной области знания в простое практически успешное решение социальных проблем. Общая теория стремится раскрыть основополагающие принципы, причины и законы происхождения, организации и изменения человеческого общества или социальных явлений, носящих общий характер и независимо от их разнообразных, специфических, характерных или уникальных форм. Мы полагаем, что все социологи, занимающиеся специальными вопросами знания, и все специальные направления социологии исходят в своем становлении из *общей* теории, общей социологии, вносят свой вклад в ее развитие, и в конечном итоге вновь обращаются к ней»¹.

Какова же природа такой общей теории? Решающее влияние на ее становление оказал Герберт Спенсер, ученый, которого почти не чита-

Орлова Ирина Борисовна — доктор философских наук, зав. отделом Института социально-политических исследований РАН.

¹ См.: Hinkle R. *Founding Theory of American Sociology: 1881–1915*. Boston, 1980.

ют сегодня в отличие от «святой европейской троицы» — К.Маркса, М.Вебера и Э.Дюркгейма. Эти три гиганта современной эпохи едва ли были замечены первыми американскими теоретиками, чьи труды представляют собой смесь позитивистских воззрений Конта и спенсеровского органицизма и индивидуализма в единственном в своем роде, уникальном американском сочетании.

В то время как социологи континентальной Европы скептически отнеслись к пропаганде взглядов Конта и Спенсера на развитие законов об обществе, американские социологи активно восприняли идею о том, что все формы социальной организации могут быть изучены с научных позиций. Они хотели, чтобы социология стала уважаемой наукой, и в своих работах много внимания уделили защите позиций Конта. Однако приверженность Конту порождала очень серьезную проблему: Конт не создал цельной теории человеческой организации, оставив после себя лишь немногие, достаточно нечетко сформулированные аналогии, установленные им между живыми организмами и обществом. (Например, типа «общество подобно живому организму», и его можно рассматривать с точки зрения вклада, вносимого отдельными его частями в социальное целое). Первые американские социологи являлись, таким образом, в большей степени приверженцами Герберта Спенсера и в меньшей степени — немца Альберта Шеффле. Спенсер был для них особенно притягателен по ряду причин.

Прежде всего, Спенсер разделял точку зрения Конта о том, что целью социологии, как и философии, является открытие абстрактных законов и принципов. Во-вторых, Спенсер превосходно упорядочил контровскую концепцию органической аналогии и преобразовал ее в значительно более четкий анализ главных процессов, которые «действуют в соответствии с потребностями социального организма» (Шеффле довел это направление аргументации до крайности, стремясь найти точные аналогии биологических функций живых организмов в обществе, в «социальном целом»). В-третьих, Спенсер был ученым-эволюционистом, хотя и не представлял собой его грубой, однолинейной и этноцентристской разновидности (например, такого рода: «общество развивается в направлении к англосаксонскому идеалу»), очень распространенной во второй половине XIX века. Но поскольку эволюционное мышление было столь очевидным в биологии, то стала совершенно оправданной стратегия концептуализации общества с использованием эволюционистских понятий, таких, как: плотность по-

пуляции, борьба за существование, «образование видов» или «специализация» в виде различающихся между собой систем.

В то же самое время это дарвиновское представление об образовании видов было приведено в соответствие с органицизмом — функциональной интеграцией дифференцированных, отличающихся друг от друга частей в связанное целое или «социальный организм». И так, заимствование идей из биологии через Спенсера и его монументальные труды — «Принципы биологии» («Principles of Biology», 1864–1867) и «Принципы социологии» («Principles of Sociology», 1874–1896) — происходило на двух уровнях: экологическо-демографическом, где в центре внимания находились население, среда, ниши; и органическом уровне, где главный интерес представляли механизмы и процессы интеграции, координации, регулирования и контроля систем в целом.

В-четвертых, в своей моральной философии Спенсер был индивидуалистом, утверждая права отдельных личностей поступать так, как им заблагорассудится, при условии, что они не принесут никакого вреда другим. Такие либерализм и индивидуализм, которые сегодня можно было бы назвать «выражением свободы воли», были в высшей степени притягательными для американских социологов, которые с самого начала проявляли большой интерес к поведению отдельных личностей как основному элементу социологического анализа. Хотя такая микроориентация, казалось бы, должна была противоречить макроэволюционизму и органицизму американской социологической теории самого раннего периода, она, тем не менее, не создавала серьезной проблемы для первых теоретиков, поскольку не противостояла спенсеровской концепции.

Таким образом, для американской социологии раннего периода характерна приверженность научному поиску, ставящему целью разработку абстрактной научной теории и, в то же время, стремящемуся примирить индивидуализм с эволюционизмом, органицизмом и безусловным функционализмом. Тем не менее, уже в этих первых теориях обнаруживаются ростки полемики, создающие такую ситуацию, когда американская теория начинает оформляться в три различные направления.

Одно из них является продолжением спенсеровского эволюционного подхода и представлено работами Уильяма Грэхема Самнера и позднее Альберта Келлера. Их четырехтомный труд «Наука об обществе» (Sumner and Keller «The Science of Society», 1927) представляет со-

бой кульминацию этой традиции. (Следует отметить, что знаменитая работа Самнера «Народные нравы, обычаи, обряды» («Folkways»), вышедшая в 1907 г., как первоначально предполагалось, должна была стать частью этого труда, но Самнеру удалось опубликовать ее в виде отдельной книги). Работа «Наука об обществе» была начата еще в 1899 г., но ухудшающееся состояние здоровья Самнера заставило его привлечь своего бывшего студента Альберта Келлера к завершению своих планов. Вследствие того, что написание труда было начато давно, а также из-за приверженности Самнера многим идеям Спенсера, работа очень напоминает спенсеровские «Принципы социологии». Она изобилует этнографическими и историческими данными и фактами, в ней исследуются первобытные и развитые формы общественной организации и рассмотрен почти каждый заслуживающий внимания предмет обсуждения, коль скоро он способствует раскрытию более сложных форм общественной организации (то, что теперь мы назвали бы «дифференциацией»).

Следующее заметное направление американской социологической теории раннего периода представлено в лице Чарльза Хартона Кули (Charles Horton Cooley), который считал, что «почти все из нас, занимающихся социологией в период между 1870 и, скажем, 1890 гг., обратились к ней под влиянием Спенсера»². Но Кули спешит указать основное слабое место доктрины Спенсера: недостаточное внимание к фактору «взаимодействия», «взаимопонимания» между личностями и стремление строить концептуальную модель «структуры человеческой жизни исключительно на основе аналогий». Для Кули органические единицы социального порядка являются психологическими реальностями, во многом имеющими ту же природу, что и личность. Поэтому общественную организацию следует воспринимать как выражение психологических процессов, которые позволяют действующим в ней личностям (актерам) создавать «дух взаимопонимания» или устанавливать «родство душ» при их взаимодействии друг с другом³.

Идеям Кули предстояло получить дальнейшее развитие в работах Джорджа Герберта Мида и современном интеракционизме, но главное, что следует подчеркнуть, — наиболее психологизированное направление в социологии и микросоциологии зародились именно в Америке.

Между макроэволюционистским подходом У. Самнера и А. Келлера, с одной стороны, и микросоциологией Кули, с другой, существова-

² См.: Cooley C.H. Social Organization. N.Y., 1909.

³ Там же.

ло множество промежуточных подходов, признававших социальную структуру аналогичной структуре живого организма и, в то же время, подчеркивавших значение межличностного взаимодействия и самосознания в качестве основных сил, которыми поддерживается органическое целое. Эта промежуточная позиция наилучшим образом представлена работами Франклина Гиддингса. Например, его «Доклад об описательной и исторической социологии» («Readings in Descriptive and Historical Sociology», 1906) лучше всего отражает дуализм его подхода. В первой части работы дана картина развития различных обществ с использованием макросоциологических понятий; затем он переходит к более глубокому рассмотрению проблем населения, форм групповой организации, процессов гомогенизации и дифференциации групп; далее, многие сотни страниц посвящены исследованию «социального разума»; и, наконец, книга завершается возвратом к макроструктурному анализу «социальной организации». Примерно двадцать лет спустя Гиддингс начал представлять социальные явления уже не в столь грандиозных понятиях и выражениях, что знаменовало собой изменение не только его собственной позиции, но и всей дисциплины. Его работа «Научное изучение человеческого общества» («Scientific Study of Human Society», 1924) является иллюстрацией такого сдвига; теперь Гиддингс рассматривает социетальные структуры как «социетальные переменные», а методы классификации, отбора явлений и их объяснения присутствуют здесь наряду со старыми призывами использовать науку для определения социального целеполагания. Но такое целеполагание обусловлено случайными и эволюционными факторами. В самом деле, Гиддингс утверждает, что изучение социетальных явлений статистическими методами позволило теперь тем, кто ими владеет, положить конец давнишнему спору о социетальной самодетерминации; оно показало, что любой процесс, происходящий в обществе, является в такой же мере целенаправленным, как и случайным или естественно эволюционным⁴.

Однако это смещение позиции Гиддингса не было неожиданным, поскольку уже в его самых ранних работах обнаруживается четко выраженная склонность к индивидуализму и психологизму, находящимся между спенсеровским эволюционизмом и органицизмом. Например, в заключении к своим «Принципам социологии» (1896) Гиддингс подчеркивал, что «поскольку общество представляет собой по существу

⁴ См.: Giddings F.H. The Scientific Study of Human Society. Chapel Hill, 1924.

психологическое явление, обусловленное физическими процессами, собственно социологические законы являются, во-первых, законами физических процессов, а, во-вторых, законами ограничения психического физического процессом»⁵.

В ранних работах Гиддингса и Кули этот психологизм рассматривается на макроуровне, точно так же как в первых работах Дюркгейма концепция «коллективного сознания» изложена в макротерминах. Но постепенно и во все большей степени этот интерес к «психическому» переходил на микроуровень и становился социально-психологическим. Этот переход прекрасно совмещался со статистическим анализом, особенно с опросными исследованиями, касающимися установок людей, их мнений и ориентации. В самом деле, благодаря особой ментальной ориентации всей теории, на этой стадии статистическим методам придавалось большое значение, и они широко использовались в американской социологии, даже в ее наиболее ярко выраженных органическом, макро- или эволюционном вариантах. Но существовали также и более прагматические причины развития количественных методов; и они, по-видимому, оказали еще большее влияние. Перед первой мировой войной в стране стали проводиться муниципальные опросы, к которым были привлечены многие социологи⁶, а позднее, когда частные фонды, подобные учрежденному Джоном Д. Рокфеллером, стали финансировать социальные исследования, использованию статистики стало уделяться специальное внимание. Средства, вложенные Рокфеллеровским фондом в развитие социологии в начале 20-х годов, особенно в Чикаго, в значительной степени способствовали широкому использованию количественных методов. Во многих социальных науках стали применяться методы шкалирования, измерявшие поведенческую социально-психологическую ориентацию респондентов, что дало возможность для нового осмысления и количественного измерения многих явлений. Традиционные макроуровневые переменные оказались для такой квантификации непригодными, хотя ученик Альберта Келлера, Джордж Мердок, предпринял определенные усилия в этом направлении, завершившиеся созданием HRAF-файлов. Более того, смещение объекта анализа в американской социологии в сторону изучения социального поведения населения произошло в первую очередь под влиянием конкрет-

⁵ См.: Giddings F.H. The Principles of Sociology. N.Y., 1896.

⁶ См.: Turner S.P., Turner J.H. The Impossible Science: An Institutional Analysis of American Sociology. Newbury Park, Cal., 1990.

ного социального заказа и развития опросных кампаний. Деньги на социологические исследования поступали от общественных и частных организаций, заказывающих опросы, касающиеся различных социальных установок населения, и американские социологи были готовы дать им быстрый ответ.

Итак, отчасти в силу чисто интеллектуальных, научных интересов и в значительной мере в связи с получаемыми субсидиями американская социология все в большей степени стала уделять внимание психологическим процессам на личностном уровне.

Приблизительно в это же время Эмиль Дюркгейм во Франции дополнил свои труды 1890-х годов макроэволюционной и органической ориентации материалами по изучению когнитивных и психологических оснований социальной структуры⁷, а Максом Вебером были изложены основы разработанной им теории социального действия в его главной работе «Экономика и общество»⁸. Во Франции позиции последователей Дюркгейма были ориентированы в сторону «структурализма», тогда как в Германии ориентация сторонников Вебера приобрела более феноменологический характер⁹. В Америке этот когнитивный порыв был направлен на поддержку интереса к исследованиям социального действия и к использованию интервьюирования, опросов и статистического анализа различных «установок», «дефиниций» и «ориентации» отдельных индивидов в конкретном эмпирическом контексте. Причина интереса европейских ученых к микроуровневым явлениям была чисто интеллектуальной: ученые хотели понять связь между микро- и макропроцессами. Однако, как указывалось выше, переориентация исследовательских интересов в Америке была следствием целенаправленного субсидирования социологии и влияния конкретных заказчиков. Поскольку организации, представляющие Фонд Рокфеллера, такие, например, как Совет по исследованиям в социальных науках (Social Science Research Council), стали активнее и в больших размерах субсидировать социальные исследования в этот период, объектом стала сама сфера социальных отношений. И в результате макроэволюционные предпочтения социологии раннего периода отступили на задний план, а социоло-

⁷ См.: Giddings F.H. Readings in Descriptive and Historical Sociology. N.Y., 1906; Durkheim E., Mauss M. Primitive Classification. London, 1903.

⁸ См.: Weber M. Economy and Society: An Outline of Interpretive Sociology. Edited by G.Roth and C.Wittich. Berkeley, 1968. Первое издание — 1922.

⁹ См.: Schutz A. The Phenomenology of the Social World. Evanston, 111, 1932.

бой кульминацию этой традиции. (Следует отметить, что знаменитая работа Самнера «Народные нравы, обычаи, обряды» («Folkways»), вышедшая в 1907 г., как первоначально предполагалось, должна была стать частью этого труда, но Самнеру удалось опубликовать ее в виде отдельной книги). Работа «Наука об обществе» была начата еще в 1899 г., но ухудшающееся состояние здоровья Самнера заставило его привлечь своего бывшего студента Альберта Келлера к завершению своих планов. Вследствие того, что написание труда было начато давно, а также из-за приверженности Самнера многим идеям Спенсера, работа очень напоминает спенсеровские «Принципы социологии». Она изобилует этнографическими и историческими данными и фактами, в ней исследуются первобытные и развитые формы общественной организации и рассмотрен почти каждый заслуживающий внимания предмет обсуждения, коль скоро он способствует раскрытию более сложных форм общественной организации (то, что теперь мы назвали бы «дифференциацией»).

Следующее заметное направление американской социологической теории раннего периода представлено в лице Чарльза Хартона Кули (Charles Horton Cooley), который считал, что «почти все из нас, занимающихся социологией в период между 1870 и, скажем, 1890 гг., обратились к ней под влиянием Спенсера»². Но Кули спешит указать основное слабое место доктрины Спенсера: недостаточное внимание к фактору «взаимодействия», «взаимопонимания» между личностями и стремление строить концептуальную модель «структуры человеческой жизни исключительно на основе аналогий». Для Кули органические единицы социального порядка являются психологическими реальностями, во многом имеющими ту же природу, что и личность. Поэтому общественную организацию следует воспринимать как выражение психологических процессов, которые позволяют действующим в ней личностям (актерам) создавать «дух взаимопонимания» или устанавливать «родство душ» при их взаимодействии друг с другом³.

Идеям Кули предстояло получить дальнейшее развитие в работах Джорджа Герберта Мида и современном интеракционизме, но главное, что следует подчеркнуть, — наиболее психологизированное направление в социологии и микросоциологии зародились именно в Америке.

Между макроэволюционистским подходом У. Самнера и А. Келлера, с одной стороны, и микросоциологией Кули, с другой, существова-

² См.: Cooley C.H. Social Organization. N.Y., 1909.

³ Там же.

ло множество промежуточных подходов, признававших социальную структуру аналогичной структуре живого организма и, в то же время, подчеркивавших значение межличностного взаимодействия и самосознания в качестве основных сил, которыми поддерживается органическое целое. Эта промежуточная позиция наилучшим образом представлена работами Франклина Гиддингса. Например, его «Доклад об описательной и исторической социологии» («Readings in Descriptive and Historical Sociology», 1906) лучше всего отражает дуализм его подхода. В первой части работы дана картина развития различных обществ с использованием макросоциологических понятий; затем он переходит к более глубокому рассмотрению проблем населения, форм групповой организации, процессов гомогенизации и дифференциации групп; далее, многие сотни страниц посвящены исследованию «социального разума»; и, наконец, книга завершается возвратом к макроструктурному анализу «социальной организации». Примерно двадцать лет спустя Гиддингс начал представлять социальные явления уже не в столь грандиозных понятиях и выражениях, что знаменовало собой изменение не только его собственной позиции, но и всей дисциплины. Его работа «Научное изучение человеческого общества» («Scientific Study of Human Society», 1924) является иллюстрацией такого сдвига; теперь Гиддингс рассматривает социетальные структуры как «социетальные переменные», а методы классификации, отбора явлений и их объяснения присутствуют здесь наряду со старыми призывами использовать науку для определения социального целеполагания. Но такое целеполагание обусловлено случайными и эволюционными факторами. В самом деле, Гиддингс утверждает, что изучение социетальных явлений статистическими методами позволило теперь тем, кто ими владеет, положить конец давнишнему спору о социетальной самодетерминации; оно показало, что любой процесс, происходящий в обществе, является в такой же мере целенаправленным, как и случайным или естественно эволюционным⁴.

Однако это смещение позиции Гиддингса не было неожиданным, поскольку уже в его самых ранних работах обнаруживается четко выраженная склонность к индивидуализму и психологизму, находящимся между спенсеровским эволюционизмом и органицизмом. Например, в заключении к своим «Принципам социологии» (1896) Гиддингс подчеркивал, что «поскольку общество представляет собой по существу

⁴ См.: Giddings F.H. The Scientific Study of Human Society. Chapel Hill, 1924.

ганизации, сохранившую многие спенсеровские элементы. Социальный мир рассматривался как биотический порядок, установленный в результате взаимодействия населения и территорий; такое взаимодействие часто предполагает конкуренцию, приводящую к конфликту и вытекающему из него господству и преемственности; вне сферы такого соревнования действуют различные силы социального контроля, такие, как адаптация и ассимиляция. Многие ученики Парка продолжали развивать подобные идеи, хотя и не в столь широких масштабах. Например, Луис Вирт заимствовал эти идеи и создал школу экологии человека, которая представляла собой более микроориентированный вариант социологии Спенсера (хотя нет сведений о том, признавал ли Вирт труды Спенсера в качестве источника своих идей)¹⁴. Ученики Парка стали известны своими более специальными, узкими эмпирическими исследованиями, чаще всего рассматривавшими ролевое поведение личности, межличностные взаимодействия естественных групп (таких, как «молодежные преступные шайки») и особые субкультуры внутри городских общин.

Как и все американские теоретики, Парк подчеркивал, что общества в конечном счете «состоят из индивидов, действующих независимо один от другого, которые соперничают, конкурируют и борются между собой за простое существование и относятся друг к другу, насколько это возможно, с позиций взаимной полезности». Такие установки в значительно большей степени индивидуалистические, чем все, что когда-либо излагал Спенсер в его формальной социологии, способствовали смещению аналитического (и эмпирического) интереса на изучение поведения индивидов в специфических средах.

Но в том же цитируемом отрывке Парка есть утверждение о том, что «с другой стороны, совершенно несомненно также и то, что люди — мужчины и женщины — связаны друг с другом чувствами и общими целями, и они, вопреки природному влечению к противоположному, поддерживают дисциплину и нравственный порядок, которые помогают им переступить границы того, что мы обычно называем природой, и посредством совместных действий перестроить мир в соответствии с их общими устремлениями и общей волей». Сам Дюркгейм не смог бы лучше выразить эту мысль, и это смешение индивидуализма и коллективизма выразилось в тенденции исследовать отдельные специфиче-

¹⁴ См.: Wirth L. Urbanism as a Way of Life // American Journal of Sociology. 1938. № 1. P. 46-63.

ческие группы в том виде, в каком они адаптировались к конкурентным условиям существования путем создания собственной структуры и культурного участия.

Таким образом, даже если теория и носила общий характер, она была микроориентированной, несмотря на заимствование многих понятий из словаря старого и более макромасштабного эволюционизма предвоенного периода. И хотя мы могли бы считать некоторых из учеников Парка макротеоретиками, например, Люиса Вирта или Говарда Бекера, созданные ими теории были в лучшем случае теориями среднего уровня. И что более существенно, подавляющее большинство других ученых были совершенно определенно ориентированы на исследования процессов микроуровня.

Норберт Уили¹⁵ утверждал, что в американской социологии раннего периода развернулась решительная борьба за отделение социологии от ее биологических корней и особенно биологизированных представлений об инстинктах как движущей силе взаимодействия людей и их общностей. По мнению Уили, решающая роль в этом отделении принадлежала коллегам Парка, У. Томасу и Флориану Знанецкому. Их знаменитая работа «Польский крестьянин» («The Polish Peasant», 1918) стала решающей вехой на этом пути, поскольку символизировала «наиболее действенный и решительный разрыв с биологией и изложение ее (социологии) научного кредо». Такой эмансипации социологии способствовало повышение роли понятий «установка», «ценность», которыми выдвигалось на первый план значение символов и культурного строя. Интерес теоретических исследований перемещался к миру культуры. Такая концепция, по утверждению Уили, смогла противодействовать изначальной установке на то, что социальные взаимодействия и организацию можно объяснить проявлением инстинктов.

Я не вполне согласен с объяснением Уили по поводу причин усиливающегося акцента на психологических процессах. Американская социология не стремилась освободиться от представлений об инстинкте столь же активно, как от эволюционизма и органицизма, которые с самого начала вступали в потенциальное противоречие с индивидуализмом и микроментализмом американских теоретиков раннего периода. Понятие «установка», на мой взгляд, было просто подтверждением того, на что всегда обращали особое внимание некоторые американские

¹⁵ См.: Wiley N. Early American Sociology and the Polish Peasant // Sociological Theory. 1986. № 4. P. 20-40.

теоретики: на «психические» или «психологические» процессы и взаимодействие между отдельными личностями.

В противовес заманчивой аргументации Уили я выдвигаю альтернативную гипотезу: появление понятий «установка» и «ценность» в работе Томаса и Знанецкого помогло им и другим ученым, использовавшим аналогичные понятия, более четко аргументировать свою точку зрения при обсуждении процессов психологического порядка; более того, такая концептуализация способствовала прежде всего использованию таких методических процедур, как интервью и наблюдение, а затем и установочных шкал и других методов количественной оценки. Таким образом, действительный перелом в социологии выразился не в создании разумной альтернативы теории инстинктов, принятой в биологии, но скорее в стремлении построить отрасль знаний на останках ее главных реквизитов: эволюционизма и в меньшей степени — крайнего органицизма.

Поскольку организовать социологическую теорию в рамках этих двух достаточно устаревших направлений стало уже достаточно трудно, все более заметно (и как бы случайно) в теории стала проявляться индивидуалистическая компонента.

Как отмечалось выше, этому способствовали источники финансирования социологии в 20-е и начале 30-х гг. — частные фонды, предоставлявшие денежные средства для проведения статистических и социологических исследований, построенных на опросах. Таким образом, сдвиг в сторону социальной психологии был далеко не случайным; его требовали покровители социологии.

Интерес к тому, как ведут себя люди в определенных ситуациях и как они их оценивают, подкреплялся исключительно американской по происхождению философской доктриной прагматизма, особенно в том виде, в каком он был представлен в теории «социального бихевиоризма» Джорджа Герберта Мида. В основе бихевиоризма Мида лежит утверждение о том, что «разум» и «Я» являются поведенческими категориями, которые облегчают адаптацию субъекта к социальному окружению (отметим еще раз, что здесь биология не отвергается совсем, а используется для подкрепления социологических утверждений). Понятие ролевого участия становится главным связующим звеном в социальной схеме Мида; поскольку именно оно является главным механизмом, определяющим процесс межличностного взаимодействия, проявления социального «я» и перспективу принятия роли других («обоб-

щенного другого», «generalized other»¹⁶). Однако в 20-е годы идеи Мида еще не представляли собой законченной теории; лишь позднее они стали теоретической основой для некоторых современных теоретических направлений.

Если мы зададим себе вопрос, какие общие теории рассматриваемого периода продолжают существовать и сегодня, ответ будет таков: спенсерская социология в том виде, какой ей придали Парк, а позднее Вирт, Хоули и другие, преобразовавшие ее в «человеческую экологию», а также мидовский прагматизм, обеспечивший концептуальную основу интеракционизма, теории ролей, и других родственных направлений. Очень мало сохранилось от теоретических взглядов других видных ученых этого периода, за исключением, быть может, некоторых, ставших классическими выражений, вроде «зеркальное Я» (looking glass self), «первичная группа», «дифференцированная ассоциация». Таким образом, социологию этого периода большинство социологов воспринимает не как фундаментальное теоретическое целое или же сложный комплекс научного знания, но скорее как ряд теорий среднего уровня, освещающих различные социальные процессы — от преступности и асоциального поведения до урбанизации и национальных конфликтов; а также извлекает из нее понимание того, что теория и научные исследования так или иначе связаны между собой.

Но существовала ли в это время какая-либо общая метатеория, которая бы охватывала собой все наши ретроспективные представления об этом периоде?

Знаменитая работа Толкотта Парсонса «Структура социального действия» («The Structure of Social Action», 1937), по-видимому, воплощает в себе такую предполагаемую теорию. Уже в самом названии книги содержится указание на метатеорию, а содержание работы еще более раскрывает, подтверждает и обосновывает его, включая в рассмотрение сущности теории доктрины континентальной Европы.

Парсонс начинает свою работу со знаменитой фразы: «Кто теперь читает Спенсера?», а затем занимается длительным и подробным рассмотрением сходных концепций — преимущественно принадлежащих европейским ученым, касающихся «аналитических элементов» индивидуальных (единичных) действий (unit acts). Лишенные своего европейского контекста, эти «единичные действия» становятся понятиями,

¹⁶ См.: Mead G.H. Mind, Self, and Society. Chicago, 1934.

звучащими слишком по-американски. Они становятся ориентациями отдельных индивидов на цели, средства, ценности и воздействуют (принудительно, ограничивающе) на ситуации. На мой взгляд, труд Парсонса не представляет собой такого уж радикально нового теоретического построения, как утверждают некоторые, он всего лишь подтверждение того, чем американская теория уже обладала — а именно, интереса к целенаправленным ориентациям индивидов. Вклад Парсонса состоял в том, что он включил европейскую научную мысль в социально-психологические основания американской теории. В самом деле, знакомясь с оценкой, данной Т.Парсонсом К.Марксу, М.Веберу, Э.Дюркгейму, В.Парето, Т.Маршаллу и другим, никто никогда бы не догадался, что некоторые из этих первых теоретиков когда-то использовали органические аналогии или же выражали свои мысли в эволюционных терминах. Парсонс не столько «парсонизировал» эти имена, как заявляют некоторые, сколько американизировал их и обратил в социальных психологов, поскольку то, что было предложено Парсонсом в этот период, есть основа для развития социальной психологии — особенно таких ее составляющих, как культурные ориентации, влияющие на выбор направлений деятельности. У.Томас, Ф.Знанецкий, Терстоун и другие, способствовавшие привнесению «когнитивного» духа в социологию и психологию, едва ли нашли для себя какую-либо новую метатеорию в изложении Парсонса.

В числе многих парадоксов, связанных с этим периодом, следует указать возрождение Парсонса в 50–60-е годы в качестве последнего приверженца Г.Спенсера, рассуждающего в жестко функциональной манере, изобиловавшей косвенными аналогиями с живыми организмами. По утверждению многих, Парсонс отказался от социальной психологии, или, по крайней мере, преобразовал ее скорее во фрейдистскую модель и стал «спенсерианцем» нового времени. Несомненно, признаки перемещения интереса Парсонса в сторону макроструктурных и культурных процессов можно заметить уже на последних страницах его труда («The Structure of Social Action»), но ранний Парсонс был продуктом своего времени, разделявшим общий интерес к исследованию психологических ориентаций и процессам принятия решений. Хинкль определил период 30-х и начала 40-х годов как эпоху «теории социального действия»; изложенный им список основных принципов этой теории убедительно резюмирует ее сущность, а именно: 1) человеческое действие и взаимодействие обуславливаются сознанием; 2) человеческое

действие является социальным, поскольку люди осознают себя и других; 3) человеческое действие является осмысленным, рациональным в самом широком смысле, предполагающим принятие решений, касающихся средств и целей; 4) человеческое действие является целенаправленным или телеологическим, поскольку оно направляется устремлениями, намерениями и целями; 5) человеческое действие испытывает принудительное воздействие и ограничивается различными условиями (биологическими, физическими, экологическими) и 6) человеческое действие подчиняется нравственным принципам, правилам, нормам и ценностям.

Такие основополагающие принципы теории хорошо сочетались с нарождавшимся в этот период методологическим индивидуализмом, то есть мнением о том, что ответы отдельных индивидов, получаемые путем интервью, анкет и других средств, можно статистически агрегировать и анализировать для того, чтобы получить информацию о различных социальных и культурных явлениях. Однако в то же самое время, когда теория социального действия постепенно становится преобладающей и придает активному использованию количественных методов законную силу, начали возрождаться старые органические доктрины, облеченные в форму функционализма. Социологи обратили внимание на то, что у американского читателя вновь возродился интерес к работам Дюркгейма, а социологию, наконец, стали признавать и в Гарварде, где Бронислав Малиновский и А.Рэдклиф-Браун начали использовать функциональный анализ. Обращает на себя внимание то, что, когда преобладающим стал интерес к количественному измерению поведенческих установок и других когнитивных процессов, поддающихся оценке с использованием опросов, многие социологи начали уже желать нечто большего, масштабного и всеобъемлющего. Примером тому служил, несомненно, Гарвард, где в 30-е годы Питирим Сорокин не давал угаснуть макротехории и где позднее Парсонсом была создана его «школа» на средства, получаемые от Фонда Карнеги. В результате таких научных устремлений, а также благодаря привилегированному финансовому положению Парсонса, который мог себе позволить «покупать» студентов и коллег, вновь появились приверженцы идей, напоминавших идеи Спенсера, хотя большинство новообращенных теперь соответствовало наблюдению, сделанному Парсонсом во введении к его «The Structure of Social Action», и больше не читало Спенсера. Поэтому они часто не знали, от кого берет начало их функционализм.

Таким образом, теории действия способствовали утверждению конкретных практических исследований, но в то же время и стимулировали творческие устремления к созданию более всеобъемлющей теории. Это в конечном счете должно было окончательно отделить теорию от конкретных исследований в американской социологии, и в качестве противодействия функционализму — привести к дроблению общей теории на отдельные части как в Америке, так и в других странах.

Такое дробление, естественно, произошло в этот период и в структуре американской социологической науки. Когда во время великой депрессии средства, ассигнуемые фондами, иссякли, отчасти вследствие экономических трудностей этого времени, а также отчасти — недовольства Рокфеллера работой, выполненной социологами, разразился кризис. В свою очередь, этот кризис создал проблему научного порядка, касающуюся того, какой должна быть социология: «чистой» или прикладной, эмпирической или теоретической, качественной или количественной, ценностно нейтральной или реформистской и т.д. Кроме того, сама профессиональная организация этой научной сферы явилась отражением возникшего интеллектуального разделения. Например, количество членов Американского социологического общества (ASS) сократилось в 30-е годы до 1000, а большинство возникших в это время региональных и субрегиональных ассоциаций пока еще проявляли интерес к социологии, но не к той, которую пропагандировала элита ASS. Научная верхушка социологии — в лице ее избранных ста представителей (членов «Клуба только по приглашению» — «Invitation only») откололась в Организации социологических исследований (Sociological Research Organization) от ее рядовых членов. Возникновение такого «клуба» было, возможно, отчаянной попыткой навязать социологическому сообществу общую профессиональную позицию, и, бесспорно, это свидетельствовало о том, что власть университетской элиты уже клонилась к закату. Об этом говорит и тот факт, что если в 1918 г. на долю Чикагского и Колумбийского университетов приходилось 74% всего числа получивших степень доктора (Ph.D.) в области социологии, то в 1928 г. эта цифра упала до 32%. И в результате эти университеты уже не могли, как прежде, определять интеллектуальное содержание этой сферы. Социология медленно развивалась, но за пределами ASS и оси Чикаго-Колумбия. Эти изменения происходили в период слабого теоретического единства и существования немногих общепринятых стандартов — если исключить элиту SRO, которая поощряла развитие ко-

личественной социологии. Тем самым, социология этого периода представляла собой область, нуждавшуюся в интеграции как интеллектуальной, так и профессиональной. Трагедией рассматриваемого этапа развития социологии была окончательная неудача в решении как первой задачи, так и второй.

Современная теория

Доктрина социального действия периода 30-х и начала 40-х годов не представляла собой единого теоретического направления. Скорее, это была активизирующая конструкция, заставлявшая обращать внимание на значение социального «Я», сознания, принятия решений и различных принудительно действующих норм, понятий, символов в рамках малых групп и субкультур. Хотя и предпринимались определенные творческие попытки, особенно в вводных учебных курсах, связать эту конструкцию с более широкими макроструктурами, но теория была слабо интегрированной, разделявшей явления макро- и микроуровней. Существовало большое число «теорий чего-либо», рассматривавших какую-то конкретную проблему, например, юношескую преступность, преступность вообще, урбанизацию, семью, проблемы профессиональные, организационные и т.д. Но очень мало было сделано для создания теории, которая смогла бы объединить эти множившиеся «теории чего-либо».

По иронии судьбы, именно Роберт Мертон, будучи аспирантом и преподавателем на полставки вновь созданного факультета социологии Гарвардского университета в начале 30-х годов, непроизвольно явился инициатором построения «общей» (большой) теории, которую впоследствии ему предстояло подвергнуть критике.

Такая теория не была создана им самим, но его вводный курс по функционализму, предназначенный для аспирантов, таких, как Кингсли Дэвис и Уилберт Мур, и для нового преподавателя факультета экономики Толкотта Парсонса, послужил стимулом развития функционализма в американской социологии

Итак, этот период может быть охарактеризован активным развитием общей теории в форме функционализма — с одной стороны, и растущим интересом к созданию более узких теорий по широкому кругу самых различных злободневных эмпирических тем — с другой. И хотя красноречивые призывы Мертона к созданию «теорий среднего уровня» и имели целью добиться интеграции этих двух полярных тенденций, особого успеха в этом достигнуто не было. Так как даже после то-

го, как взамен всеобъемлющему парсонсовскому функционализму произошло разделение теоретической социологии на множество различных ориентаций и направлений, эмпирическим исследованиям и теории так никогда и не суждено было вновь объединиться в единую систему.

Трудно точно установить, почему именно эти функционалистские идеи были восприняты в послевоенный период между мировыми войнами целым поколением ученых, которым предстояло нести далее знамя функционализма, но есть все основания предположить, что притягательность функционализма определялась его особым акцентом на «системном целом». Структурный анализ рассматривает и объясняет различные социальные структуры и процессы, соотнося их с выполняемыми ими «функциями» или их «последствиями» для удовлетворения основных нужд и потребностей, обеспечивающих жизнеспособность социального целого.

Вторая мировая война воспрепятствовала (или по крайней мере отложила на некоторый срок) включению функциональной ориентации в общее направление развития социологии. Начало этому было положено в 1945 году, когда двое ученых из Гарварда, упомянутые Кингсли Дэвис и Уилберт Мур опубликовали первую современную работу по функциональному анализу в социологии — свои знаменитые (а может, и «печально известные») «Принципы стратификации» («Some Principles of Stratification»). (Исследование Малиновского относилось к предвоенным годам и носило в большей мере антропологический характер, нежели социологический).

Вскоре другими учеными Гарвардской группы, следующими по пути, намеченному первой работой Б. Малиновского, были выдвинуты постулаты, определявшие перечень основных функциональных условий для всех обществ. Например, Дэвид Аберль и ряд других научных сотрудников факультета (1950) разработали перечень «функциональных реквизитов общества». Их работе предшествовал вводный курс Кингсли Дэвиса «Человеческие общества» («Human Societies», 1948). Другие ученые, принадлежавшие к Гарвардской группе, также начали публиковать работы по функциональному анализу, в числе которых наиболее заметной и важной была работа Марион Леви «Структура общества» («The Structure of Society», 1952).

Курьезным фактом в развитии этого направления оказалась критическая позиция, занятая Мертоном по отношению к функциональному анализу в 1949 г. Его знаменитая глава «Явные и латентные функции»

из работы «Социальная теория и социальная структура» («Social Theory and Social Structure», 1958) содержала нападки на неубедительные построения Б. Малиновского и А. Рэдклифф-Брауна, но главным образом его критика была направлена в целом на аналитический подход нарождающегося функционализма. Критическим замечаниям, высказанным Мертоном в адрес функционального анализа, конечно, предстояло многократно повториться в последующие десятилетия, но он первым задал тон критике функционализма с эмпирических позиций в том его виде, в каком он тогда проявлялся: за его неспособность спуститься с высот чистого анализа в сферу конкретных эмпирических контекстов. Критика Мертона и других ученых усилилась, когда функциональная концепция Парсонса начала господствовать не только в теории функционализма, но и в социологической теории вообще, и особенно тогда, когда Парсонс получил возможность использовать деньги от Фонда Карнеги и значительные средства Гарвардского университета для создания собственной школы теоретического функционализма. К 60-м годам парсонсовская «теория действия» (название это было и остается «некорректным», отражающим позицию, сформулированную в ранних работах Парсонса в 30-е годы, когда социальная психология занимала видное положение) стала господствующим теоретическим направлением в социологии. Она вплотную приблизилась к статусу ведущей доктрины, подобно овеванному идеями Спенсера органицизму и эволюционизму (с заложенным в них элементом социальной психологии) периода перед первой мировой войной. В Америке с ней соперничали только принадлежащий Герберту Блумеру¹⁷ вариант привнесения идей Мида в символический интеракционизм, ряд других мидовских наработок в виде таких узких концепций, как теория ролей, и марксистский анализ, который после периода гонений, связанных с именем Маккарти, только-только начал извлекаться из пыльных архивов академий.

Но уже с конца 50-х годов началась резкая критика теории Парсонса, в первую очередь со стороны европейских ученых: Д. Локвуда¹⁸, Р. Дарендорфа¹⁹, а также ряда американских марксистов — Ч. Миллса²⁰ и

¹⁷ См.: Blumer H. Symbolic Interaction: Perspective and Method. Englewood Cliffs, N.J., 1969.

¹⁸ См.: Lockwood D. Some Remarks on «The Social System» // British Journal of Sociology. 1956. № 7. P. 134–146.

¹⁹ См.: Dahrendorf R. Out of Utopia Toward a Reorientation of Sociological Analysis // American Journal of Sociology. 1958. № 74. P. 115–127.

²⁰ См.: Mills C. The Sociological Imagination. N.Y., 1959.

других. Эти критические выступления стали обычной практикой в 60-е годы, когда к этой борьбе мнений присоединилась и последовательная критика самого существа функционализма Тернера и Марьянского²¹. Постепенно парсонсовский функционализм начинает утрачивать свое привилегированное положение; по мере угасания функционализма стали более заметными старые направления мысли, такие, как марксистский анализ конфликтов и мидовский интеракционизм, которые в свою очередь начали разделяться на ряд различных направлений. Кроме того, множество самых разнообразных новых направлений в социологии возникло в стране или же было перенесено на американскую почву из Европы.

Результатом явилось то, что после короткого периода господства функционализма наступил период эклектизма, большого разнообразия концепций, дискуссий, едкой критики, ставших типичными как для американской социологии, так и для теории в других частях мира. Более того, общее сомнение в возможности создания научной теории начало постепенно подтачивать оптимизм прежних американских теоретиков. Поскольку критерий науки был утрачен, любой отвлеченный набор идей можно было представить как «теорию».

Взлет и падение парсонсовского функционализма приходились на период бурного развития социологии. Оно отражало взаимодействие таких факторов, как: резкий рост финансирования этой сферы федеральным правительством в «послеспутниковую» эру; возможность предоставления субсидий аспирантам; практика субсидирования запросов ученых на расширение числа аспирантских программ по социологии (свыше 200); поступление одаренных детей в университеты в середине 60-х годов в самый разгар кампании протеста против войны во Вьетнаме, что способствовало увеличению числа принятых по данной специальности с 10 000 (или около того) в 1960 почти до 34 000 в 1972 г., а также использование этого обстоятельства для оправдания увеличения профессорско-преподавательского состава и расширения аспирантских программ. Таким образом, расширение ресурсной базы обеспечило рост социологии. Однако этот рост происходил в организационно раздробленной, неупорядоченной атмосфере и в таком интеллектуальном климате, когда основные интегрирующие механизмы — функциональная

²¹ См.: Turner J.H. *The Structure of Sociological Theory*. 4th ed. Chicago, 1986; Turner J.H., Maryanski A. *Functionalism*. Menlo Park, 1979; Turner J.H., Maryanski A. *Is Neofunctionalism Really Functional?* // *Sociological Theory*. 1988. № 6. P. 110–121.

теория и количественные методы анализа — почти утратили свое главенствующее положение. Результатом всего этого явилась дальнейшая фрагментация социологии на более узкие, специализированные области и подобласти, на целую серию периодических изданий, секций Американской социологической ассоциации (ASA) и региональных союзов. В этих условиях структурной неупорядоченности не существовало организующей силы, способной консолидировать теорию, а с крахом функционализма не оказалось также и консолидирующей интеллектуальной доктрины.

За последние три десятилетия теоретическая социология развивалась по различным направлениям. Одно направление предусматривает продолжение развития теорий среднего уровня, или тех, что можно назвать «теориями чего-либо»²². К ним относятся теории каких-либо структур, процессов, явлений, таких, как преступность, общая и юношеская, роль полов, городская экология, изменение установок, динамика групп, демографические перемещения, индивидуальность, экономическое развитие, динамика мировой системы, социальные революции, рост и падение империй, этнические и классовые отношения, политические элиты, эмоции и т.д.

Другим направлением развития социологии явилось создание более общих интегрирующих теорий, охватывающих все важные проблемы. Эти теории претендуют на то, чтобы стать всеобъемлющими; в действительности же эти претензии часто оказываются чрезмерными, когда теоретики утверждают, что их подход объясняет действительность во всем ее многообразии и является единственной подходящей теоретической стратегией. Так, укажем в качестве примера некоторые из них: классический функционализм и неофункционализм; разновидности символического интеракционизма; теорию ролей; бихевиористский, утилитарный и структурный варианты теории социального обмена; неомарксистский, веберовский и зиммелевский варианты теории конфликта; различные структуралистские теории, включая сетевой анализ, математическое моделирование, макроструктурализм, микроструктурализм и теорию систем; другие виды структуралистского анализа, такие, как теория структурирования и структуралистский ментализм, различные виды феноменологии и этнометодологии.

²² См.: Turner J.H. *Societal Stratification: A Theoretical Analysis*. N.Y., 1984.

Поскольку уже само существование многочисленных ориентаций предполагает трудность или невозможность теоретической интеграции, их приверженцы часто относятся друг к другу с недоверием, если не с явной насмешкой. Более того, даже в рамках одного направления его сторонники часто подвергают друг друга оскорблениям и критике. Например, часто расходятся во мнениях сторонники символического интеракционизма. Существующие в рамках этнометодологии различные более мелкие группировки пребывают в состоянии постоянной борьбы. Философский багаж сторонников теории конфликта настолько разнообразен (от позитивизма до пропаганды революции), а его наставники настолько различаются во взглядах (например, К.Маркс, Г.Зиммель и М.Вебер — если назвать самых известных), что они редко сходятся во мнениях. Сторонники концепции социального обмена, быть может, более едины, хотя и между ними существуют разногласия относительно того, как рассматривать возникающие социальные структуры (среди них есть явные редукционисты, другие же пытаются создать их концептуальную модель). А структурализм — это лишь общее название очень разных подходов, которые на самом деле имеют мало общего, и сторонники которых очень часто подвергают друг друга взаимным нападкам. Поскольку каждый из перечисленных и ряда других достаточно общих подходов имеют яростных защитников и последователей, ни один из них не может иметь преобладающего влияния, какое имел, например, функционализм (и даже тогда это преобладание было далеко не абсолютным). Таким образом, маловероятно, что эти различные направления смогли бы в теоретическом отношении объединить американскую или мировую социологию.

Еще одним, недавно возникшим направлением является метатеория. В данном случае представляющие это направление ученые подвергают анализу существующие теории, стремясь классифицировать их исходные предпосылки, принципы, гносеологию, онтологию и метафизику. Построение метатеории может также включать основной набор критериев, необходимый для развития любой теории. До некоторой степени метатеорией признается раздробленность и различия существующих современных теорий, и она пытается что-то предпринять в связи с существующим положением. Ее построения весьма неопределенны и носят общий характер, часто такого рода: научные процессы и взаимодействие, структура и культура или действие и порядок. В результате метатеоретики ведут разговор друг с другом, а не с кем-ли-

бо еще. Таким образом, попытка интеграции научной мысли на основе метатеории бесславно провалилась.

Еще одно направление демонстрировало попытку расширить существующие теоретические ориентации или же создать новые, более эклектичные, способные собрать воедино и синтезировать элементы других теоретических построений. Например, английский социолог-теоретик Энтони Гидденс²³ лучше был воспринят в Америке, нежели в Европе, поскольку его «теория структуриации» объединяет то, что раньше относилось к категории несовместимых подходов: структурализм, феноменологию и этнометодологию, марксизм и теорию психоанализа. Но даже такие эклектичные теории послужили основой для создания собственных направлений (на примере Гидденса), которые противостояли всем позитивистам, а также и известным теоретикам, у которых они заимствовали их идеи. Аналогичная судьба ожидала и другие, претендующие на роль синтезирующих, теории: им удалось привлечь на свою сторону случайных сподвижников, которые в чем-то были уязвлены неподходящим использованием их идей или идей их «идолов».

Таким образом, хотя все эти возникшие недавно синтезирующие теории и некоторая популярность метатеории и свидетельствуют о стремлении к какому-то концептуальному единству, все интеграционные усилия оказались неудачными. И даже тогда, когда они находят себе приверженцев, последние обычно оказываются членами небольшого теоретического сообщества, насчитывающего от 500 до 600 новообращенных в Америке и, быть может, столько же в остальном мире. Результатом является то, что большинство американских социологов, особенно ориентированных на конкретные исследования, не уделяет большого внимания тому, что ими оценивается как нечто слишком туманное, чрезмерно абстрактное и скрывающее идеи главных теоретиков. Исследователям гораздо удобнее пользоваться более узкими «теориями чего-либо», чем плодами усилий «общих» теоретиков. В самом деле, широкое распространение «теорий чего-либо», ориентированных на различные институциональные контексты, динамику мировых систем, организационные структуры, процессы стратификации, городскую структуру, формы девиаций, коллективное поведение и специфические процессы в области социальной психологии, представляет собой наиболее заметную сферу концептуальной активности в социологии.

²³ См.: Giddens A. The Constitution of Society. Cambridge, 1984.

Постпарсонсовский период в развитии социологии являет собой все увеличивающийся разрыв между «теоретической теорией» и «исследовательской теорией». Кроме того, наблюдается возникновение ряда ответвлений и в самой теории. Эти ответвления отражают не только различные позиции по существу исследуемой проблемы, но также и приверженность различным стратегическим подходам и философским позициям. Некоторые полагают, что законы человеческой организации могут быть сформулированы; другие же усматривают истинную природу человеческой организации как изменяющуюся в результате деятельности людей, а следовательно, не поддающуюся действию инвариантных законов. Некоторые социологи ратуют за метатеорию, другие — за создание дедуктивных систем, третьи — за дискурсивный анализ, четвертые — за формальные модели. Некоторые социологи утверждают, что теория должна начинаться с микропроцессов, другие же настаивают на обратном. И так далее в том же роде. Быть может, и неудивительно поэтому, что прикладные исследователи отказываются от подобных работ, возлагая их на теоретиков, и обходятся процессом сбора данных.

Существующие теоретические направления поддерживаются самой организационной структурой американской социологии. Американская социологическая ассоциация (ASA) выбрала кооптационную стратегию (прием в члены по желанию), на уровне секции обеспечивая за уплату членского взноса крышу всем видам теоретического мышления. Следовательно, концепция любого рода является теперь профессионально приемлемой. Объединения по специальным областям социологии также получили распространение — число их сейчас превышает 60. Число журналов социологической ориентации, издаваемых в Америке, сейчас составляет более 200, тем самым обеспечивается публикация большинства трудов. Региональные союзы не объединены с ASA или ASA, как это прежде было, и теперь существует разделение членства в социологических объединениях на региональной основе. А значительный разрыв между исследователями-практиками и теоретиками по-прежнему сохраняется, при этом первые являются членами различных институтов с более разнообразным кругом интересов и запросов, нежели последние. Кроме того, за последнее десятилетие резко сократились источники финансирования социологических исследований, в результате чего местные источники финансовой поддержки стали столь же важными, как и крупные гранты, предоставляемые на исследовательскую работу. А поскольку элита, пользовавшаяся этими крупными гран-

тами, сокращается, то ученые, проживающие в различных районах страны, могут располагать такими же средствами и проводить исследования на том же финансовом уровне, что и прежняя элита. Такого рода структурная база социологии вряд ли способствует достижению согласия по вопросу ее назначения как науки, а это в свою очередь не способствует установлению единого взгляда на теорию.

Что ждет социологию в будущем?

С одной стороны, я весьма пессимистически оцениваю будущее теоретической социологии вообще, тогда как, с другой стороны, я настроен очень оптимистически по отношению к тому, чего может достичь ее небольшое позитивистское крыло в ближайшие два десятилетия. В теории мы увидим во многом сохранение современной тенденции: создание теорий по любой из выбранных проблем и так, как кому заблагорассудится. Подобная ситуация объясняется тем, что существует слишком мало общих взглядов, философских положений, стратегий построения теорий или методологий, разделяемых теоретиками по одному и тому же предмету исследования. Такое интеллектуальное разнообразие закрепляется самой структурой американской социологии.

Общим результатом является то, что социологи могут во многом выбирать свой собственный путь и находить себе единомышленников, группу журналов, профессиональных объединений, специализирующихся на конкретной проблеме, выбирать соответствующую секцию национальной ассоциации социологов и создавать группировки факультетских единомышленников (студентов и сотрудников), всех тех, кто будет разделять с ними определенный образ мышления.

Таким образом, социологи-теоретики занимаются каждый своим собственным делом, что не способствует интеллектуальной интеграции этой дисциплины. При этом социологи-практики считают теории мало подходящими для их работы. Следовательно, в целом социологии уготовано будущее аморфной, слабо структурированной, интеллектуально эклектичной дисциплины.

Однако, на мой взгляд, все основания для оптимизма есть у тех, кто принадлежит к небольшому лагерю позитивистски ориентированных социологов. Ими проводится большая творческая и синтезирующая работа как на микро-, так и на макроуровне, а также предпринимаются попытки связать эти уровни между собой. Большая часть этих исследований основывается на положениях старых авторитетов и посвяще-

на анализу различных форм социального взаимодействия. В них формулируются положения, которые могут быть проверены. Более того, я полагаю, что позитивистская социология находится на пороге создания законов и моделей, эквивалентных естественнонаучным, что приближает нас к осуществлению мечты Конта.

Не проявляя излишней скромности, хочу указать, что некоторые из моих работ попадают именно в эту категорию, но существует и немало других, еще более отмеченных творческим духом и убедительно представляющих эту позитивистскую перспективу. В качестве примера можно привести: теорию «взаимодействия ритуальных связей» («interaction ritual chains») Рэнделла Коллинза, теорию ролей Ральфа Тернера, попытку Гаррисона Уайта объяснить структурную эквивалентность и рыночные отношения; подходы Джозефа Бергера и его коллег — Морриса Зельдича и Дэвида Вагнера к объяснению социального статуса; макроструктурализм Питера Блау; попытку Рона А. Берта разработать общую теорию действия в социальных системах; теорию структурных сетей Дэвида Уиллера, Карена Кука и др.; теорию рационального выбора, предложенную Майклом Хечтером и Джеймсом Комманом, где авторы пытаются объяснить принципы построения социальной структуры (список можно продолжить и далее, поэтому мои извинения тем, кто в него здесь не попал).

Один из возможных сценариев развития представляется таким образом, что наиболее позитивистски ориентированные теоретики просто отойдут от общего направления развития теории, которая в настоящее время и в обозримой перспективе не будет находиться на уровне научной социологии. Релятивистский, солипсистский, партикуляристский, антипозитивистский и мета-истский (если изобрести такой термин) характер теории больше не является притягательным предметом дискуссий; ему все в меньшей степени уделяют внимание. В работах позитивистов все более проявляется простая неосведомленность о том, какие теории существуют сейчас в американской социологии. Усилия по созданию метатеории не могли помочь, поскольку часто они выливались в философские трактаты, не интересные для теоретиков-позитивистов и прикладных исследователей.

Таким образом, будущее выделит тех теоретиков, которые считают, подобно О. Конту, Г. Спенсеру и большинству американских социологов раннего периода, что существуют фундаментальные и инвариантные особенности социального мира, что социологи могут разраба-

вывать абстрактные законы и модели этих особенностей, что эти законы и модели могут быть проверены и что знание о человеческом обществе может быть совокупным. Исконная мечта Конта живет и здравствует, но я сомневаюсь в том, чтобы большинство социологов, считающих себя «теоретиками», проявляли к ней интерес. Единственное, на что я надеюсь — на то, что в весьма отдаленном будущем, когда несостоятельность большей части современной «теории» станет очевидной, созидательный труд этой сравнительно небольшой группы — 50 или самое большее 60 ученых — будет отмечен общим признанием за то, что он явился осуществлением исконной мечты Конта о «социальной физике».

*Перевод Т.И. Шумиловой
Редактор И.Б. Орлова*